

В

Афганистан я попал по «собственному желанию». Вовсе не потому, что очень горел желанием выполнять интернациональный долг, просто на тот момент у меня не особо сложились отношения с новым руководителем отдела. И когда покойный ныне кадровик Виталий Дмитриевич Самсонов мне предложил: «Поедешь в Афганистан?», я ответил сразу же: «Поеду!».

Подготовка советников для афганских органов госбезопасности занимала два года — с 1985-го по 1987-й. На Высших курсах КГБ СССР в Ташкенте мы основательно изучали язык (дари), страноведение, основы ислама, специальные дисциплины. В сентябре 1987 года меня направили к месту службы: провинция Нимроз, город Зарандж — самая южная точка на границе с Ираном, ныне территория самопровозглашенного государства Белуджистан.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ... СО ВТОРОЙ ПОПЫТКИ

После окончания Высших курсов нас, советников, сначала собрали в Кабуле, в Представительстве КГБ СССР в Афганистане. Зачитали приказ: назначаем того-то туда-то. Из моей группы, с которой учился в Ташкенте, в Зарандж попал только я один, два других совет-

ника прибыли после окончания московских курсов. Здесь же сразу стали знакомиться: «Здравствуйте — здравствуйте». Выясняли у тех, кто там бывал, что с собой брать, какая там еда, какие условия для проживания, когда отправляется «борт»... Сбросились деньгами, закупили продукты, погрузили все в самолет. Собственно в курс дела — какая обстановка в провинции, с кем предстоит работать — нас особо не вводили: мол, приедете на место — сами разберетесь.

Служба началась с небольшого происшествия: мы не сразу попали в Зарандж. ...Представительский Ан-26 летел по кругу: сначала советников забросили в Шиндант, затем Фарах, в общем, взлет-посадка, взлет-посадка... Зарандж — самая крайняя точка на маршруте. На предпоследней остановке, в Фарахе, вышел руководитель нашей оперативной зоны Владислав Григорьевич Плигин.

В Зарандже при посадке-взлете пассажирский самолет обязательно должны прикрывать два истребителя. Подлетаем к Заранджу, а их нет. Покружились над аэродромом — истребители так и не появились — и назад в Кабул! Примерно за год или за два до этого военный самолет «промазал» и сел на территорию Ирана. Случай известный, о нем писала пресса. Штурман уничтожил шифры, затем застрелился. И после этого происшествия летали только в сопровождении истребителей: они вели «борт» до аэродрома и после этого уходили.

В общем, добрались только со второй попытки.

Как только прилетели в Зарандж, я спросил у ребят:

— Где тут у вас можно искупаться? Жарко все-таки...

— А вон там, километрах в трех речка.

На машине подвезли к речке, зашел в воду. Речка мелкая, где по пояс, где по колено. Поплескался, окунулся, на другую сторону сходил, назад вернулся. Обратил внимание, что на противоположной стороне какие-то вышки стоят. «Граница, что ли?» — подумал про себя. Когда вернулся обратно, «старожил» меня спросил:

— Ну, что, в Иран уже сходил?

— В какой Иран?

— А ты карту смотрел?

— А кто мне ее показывал?

Оказывается, речка протекает по самой границе, и на той стороне — пограничные иранские заставы.

— Так недолго и в плен попасть, — подшучивали потом надо мной.

Условия проживания были приемлемыми. Отдельный городок, который построили немцы еще при короле Дауде: четыре благоустроенных коттеджа, огороженная территория. Был даже свой так называемый «красный уголок». Офицеры жили вдвоем в комнате, солдаты — вчетвером (солдаты работали на радиостанции, занимались обслуживанием советнического городка), в каждом коттедже — кухня, столовая. У шифровальщика была отдельная комната, в которой стояла его аппаратура, и у начальника соответственно.

С чем были проблемы, так это со снабжением советнического городка электричеством и водой. Местная афганская дизельная станция давала, по-моему, вольт 110 вместо 220, лампочка еле-еле горела. Свой дизель включали с 6.00 до 10.00 и с 18.00 до 22.00 — на время обмена шифровками с Кабулом. В остальное время света не было.

Воду из местного водопровода можно было пить только после кипячения. Для дезинфекции кипятили с верблюжьей колючкой. Для бытовых нужд привозили из реки: договаривались с водителем поливальной машины, он доставлял нам, закачивали в танк — большую емкость от понтона.

С оперативником из Кургана — Алексеем (фамилию уже не помню), вселились в комнату, в которой до нас жил казах. Наш предшественник особо не утруждал

Служебное удостоверение советника
А.Г. Петрухненко

себя бытом. Мы же решили заняться благоустройством: даже в глухой афганской провинции хотелось жить достойно. Все стекла в коттедже проклеили бумагой, чтобы через щели не попадали в дом пыль и песок. Подмели все венчиком и завели правило: каждый день — влажная уборка! Вечером, когда электричество дают, включаем кондиционер, чтобы он к ночи холода нагонял.

Природно-климатические условия в провинции Нимроз убийственно-тяжелые для европейца: практически круглый год — испепеляющая жара, куда ни кинешь взгляд — тоскливая картина: бескрайняя пустыня, чахлая растительность,

мелкая речушка на границе с Ираном и все — больше ничего нет!

С мая по сентябрь дует «афганец». Я как-то шел по улице Заранджа и попал под пыльную бурю. Непередаваемые ощущения! В мгновение ока иссиня-голубое небо приобрело песчаный цвет, от солнца на небе остался только тусклый диск размером с медный пятак, и на землю буквально опустились сумерки. От одного дувала до другого, может, метров десять, я находился посередине, и как только обрушилась пыльная буря, вдруг все пропало: ни вправо, ни влево — ничего не видно! Песок запорошил глаза — пришлось прикрыть их руками, попал в уши... Так и стоял, ничего не видя, пока пыльная буря не улеглась, и только потом пошел дальше.

Три дня в году идет дождь, все остальное время солнце безжалостно обжигает землю, людей, редкую растительность. Пустыня фактически занимает 95 процентов территории провинции.

Подчеркиваю: к чему нельзя, оказывается, привыкнуть, так это к жаре! Жара нас изматывала, не знали, куда от нее деться! Мне повезло, что приехал к концу лета — легче было адаптироваться, и к следующему лету я уже был более подготовлен. Загорать можно было только с декабря: раньше нельзя — сгоришь мгновенно. Я там так «нахватался» солнца, что и спустя десятки лет не могу долго находиться под прямыми лучами...

Наше стремление к порядку в быту вызывало нескрываемый интерес у афганцев. Для них это было непривычно и непонятно! Приходит к нам как-то в гости начальник УМГБ, смотрит и так удивляется чистоте в нашем жилье. У меня, говорит, четьре жены, и то от пыли в доме не можем избавиться. А как от нее уберешься в афганском жилище, если у них в дверях, в окнах — щели в палец?! Живут они по нашим меркам грязновато. Но, с другой стороны... как бы точнее выразиться, живут проще и прагматичнее... У них меньшие запросы, чем у нас, более приземленные проблемы, больше усилий тратят на физическое выживание.

ПОВСЕДНЕВНАЯ РАБОТА: БЕЗ ЛИШНЕГО ШУМА...

Руководитель зоны распределил обязанности и назначил меня советником в 5-й отдел управления МГБ по провинции Нимроз (борьба с бандитизмом), в нагрузку дал 4-й отдел (транспорт, связь). Поскольку транспорта и связи там фактически не было, все работали с 5-м отделом. В составе группы советников по ли-

нии КГБ было семь офицеров: шифровальщик, трое советников, другие специалисты. С учетом советников других ведомств — милиции, пограничников, ГРУ — всего там находилось 28 человек. Моими подсоветными (то есть теми, кого я опекал) в Нимрозе были начальники отделов, заместитель начальника управления МГБ. Фамилий их уже и не вспомню, записывать не было надобности, а из памяти все потихоньку стирается.

Чем мы занимались каждый день? Утром с начальником отдела оценивали поступившую информацию от агентов, какие события произошли. Где, что, как, какие проблемы? Намечали план действий: изучаем обстановку, работаем по караванам с наркотиками, с оружием, собираем информацию о бандформированиях.

Вообще-то мы работали в основном по сопредельной территории Ирана, потому что банды, которые нам досаждали, жили за речкой и время от времени совершали вылазки на нашу территорию. Глубокой разведкой соседей занимались также пограничники и ГРУ. Естественно, не выходя из Заранджа: на территорию Ирана и Пакистана нога советника не ступала, всю информацию приносила агентура. Агенты приходили из-за речки, с ними беседовали, кормили, поили, платили им деньги, и они уходили обратно.

Обстановка в Нимрозе была достаточно спокойной, активных боевых действий в этой провинции «духи» практически не вели. Да оно и понятно: скрываться негде, кругом одна пустыня! Белуджи — народ самобытный. Живут замкнуто, обособленно от других, в свой круг посторонних не пускают. Уже в те времена среди них звучали призывы к созданию своего государства Белуджистан на племенной территории, охватывающей земли Ирана, Пакистана, Афганистана. К шурави относились дружелюбно, но это был, по-моему, тот случай, когда говорят: «Не трогай меня, и я не трону тебя!»

То, что белуджи жили на территории соседних государств, свободно перемещались из одной страны в другую, не признавая проведенных на карте границ, придавало определенную специфику оперативной работе. Родственные кланы, прозрачные границы... К примеру, у начальника управления безопасности (ХАД) на афганской стороне был двоюродный брат — замначальника управления безопасности на иранской стороне. Не будут же они воевать друг против друга?! И поэтому начальник ХАДа мог спокойно заявить: «Попробуй хоть одна зараза с той стороны что-то совершить против народной власти на афганской территории. Добра не жди — я всегда достану!»

Но «депеш» из Кабула часто не учитывали местной специфики, шли указания «активнее бороться с врагами афганской революции». Но не придумывать же их?!

Хотя были враги и реальные. Очень нас доставал один из бандглаварей. Его и уговаривали по-хорошему, и пытались купить, но он встал на активные непримиримые позиции, отказывался от сотрудничества, устраивал различные диверсии. Уже после моего отъезда, говорят, до него добрались-таки хадовцы, которые и до этого совершали покушения, устраивали ловушки. Он и вправду был везучий... Мне рассказывали, что однажды пробрались к его дому, влезли на крышу, бросили гранату в дымоход, а «искомый объект» в это время вышел из комнаты по малой нужде. Жена погибла, а тот остался жив... Он тоже был из белуджей, но деньги, видимо, получал немалые от западных спонсоров, почему и не хотел идти на контакт. Там все решали денежные потоки, в Афганистане даже между крупными фигурами НДПА и оппозиции постоянно сновали ходоки.

Обычно мы работали часов до двух дня, потом начиналась жара. После обеда местные сотрудники безопасности на службе уже не появлялись, растворялись в городке; Зарандж — небольшой городишко, за полчаса можно обойти, во время жары жизнь в нем полностью замирала. А мы, советники, занимались своими де-

лами: хозяйством, бытом, подготовкой донесений для Кабула. Мне приходилось брать на себя функции завхоза, ходить на базар, закупать лепешки, зелень, другие продукты. Следил за тем, как солдаты готовят пищу: питались же из одного котла, и не дай бог, что-то не помыть, вовремя не убрать — все бы мгновенно заболели желтухой.

В свободное время играли в бадминтон, волейбол, читали книги, пытались как-то разнообразить свою жизнь. Ты там как на необитаемом острове, оторван от внешнего мира: ни телевидения, ни газет, единственное — вечером послушаешь радиоприемник, и хоть что-то узнаешь о том, что происходит в стране и мире. И то приемник у меня появился только в феврале 1988-го, японский; наш «Маяк» там ничего не берет, только иранские и пакистанские станции.

Из Кабула постоянно шли шифровки, на что обратить внимание; иногда газеты передавали, письма с Родины — вот и все источники новостей. Правда, времени свободного было не так много: то одно донесение Кабул требует, то другое — бумажной работы нам хватало! И формализма, и бюрократизма тоже...

Присылают как-то задание: составить план действий советников на случай нападения «духов». Представьте себе наши условия: для того чтобы сообщить в Кабул о нападении, нужно завести дизель, включить радиостанцию, набрать шифровку... И это во время боя! Долго ли могут держать оборону 28 советников без тяжелого вооружения в жилом городке, не оборудованном в инженерном плане для отражения нападения?! До иранской границы — три километра, подлетное время «вертушек» — полтора часа. Если бы «духи» захотели захватить советников, то им это не составило бы особого труда. Но такие акции не входили в их планы, и мы это прекрасно понимали.

В тот раз я на пяти листах подробно расписал начальству план. На том и успокоились.

В феврале 1988 года к нам приехала комиссия из Кабула: проверять, как мы работаем. И так получилось, что к тому времени все советники побрились наголо, а наш начальник — так тот вообще лысый по жизни. Заходит секретарь парткома из представительства. Картина еще та: семь советников, и все бритые наголо!

Он так осторожно, с легким недоумением в голосе, спрашивает:

— А что это вы все... лысые?

— Так шифровка была, — говорю.

— Какая такая шифровка?

— Ну, как температура поднимается выше плюс 14, значит, всем нужно бриться, а то вши заедят, — отвечаю с серьезным видом.

— А, понятно, — произнес секретарь глубокомысленно и пошел дальше.

Наш кадровик идет следом, за живот держится: «Смотри, — говорит, — ты пошутил, а он принял за чистую монету». Назад я не стал отыгрывать.

Мы повесили карты, начали отчитываться. Председатель комиссии задает мне вопрос:

— Какую часть территории провинции вы контролируете?

Говорю ему, глядя прямо в глаза:

— 95 процентов.

— Не ошибаетесь, не 5?

— Нет, точно 95!

— Как это?

— 95 процентов территории провинции занимает пустыня. Одни камни, песок, ни дорог, ни жилья — ничего! Кому она нужна? «Духам»? Нет! Следовательно, мы ее контролируем.

Я развиваю дальше мысль:

— Давайте реально посмотреть на вещи. Вот на карте смотрите: одна договорная

зона, здесь — вторая, третья — от силы процентов 5 территории, но большая часть провинции — пески, пустыня. Мы можем контролировать эти 95 % территории песков, могут «духи» контролировать эти 95 %. Но это никак не скажется на общей ситуации. Кишлаки на той части, которая занимает эти мизерные 5 процентов...

Показухи не любил и всегда из-за этого ругался с начальством.

Несмотря на внешне размеренную жизнь, работали с афганцами много и интенсивно. Обучали, натаскивали, советовали. Всему, что они должны были знать и уметь как оперативные сотрудники органов безопасности страны, мы их научили.

И в целом, считая, наша работа имела положительный результат. К тому времени, когда советники покидали провинцию, три из четырех вооруженных группировок согласились поддержать народную власть, хотя и не безвозмездно — за плату. Они стали так называемыми «договорными», которые не выступают против народной власти и поддерживают силой своего оружия порядок на территории.

Когда начала реализовываться политика национального примирения, то все поставленные задачи: заключить договоры с бандами, свести враждебные настроения к минимуму, — выполняли. Оказывали гуманитарную помощь населению. Правда, привозили в качестве гуманитарки всякую мелочь: галоши, которые никому не нужны — только три дня в году шел дождь; посуду, одежду. Вещи хранились у нас, чтобы их партийные функционеры быстро не разбазарили, и хоть что-то дошло до простого народа.

В окрестностях Заранджа

ИХ ПРАВЫ. ЗНАКОМЬТЕСЬ: «КНЯЗЬ», НАЧАЛЬНИК ХАДА...

В самом начале работы в провинции меня несколько шокировало поведение местных чиновников: руководители ХАДа, других структур — представители так называемой народной власти — вели себя как удельные князья...

Как-то присутствовал на совещании у начальника ХАДа и стал свидетелем любопытного зрелища. Представьте себе картину: большой кабинет, в одном углу — диван, в центре — высокий постамент, на нем — стол начальника. Присутствующие в зале вынуждены смотреть на него снизу вверх. Да, думаю, далеко ты, дядя, забрался... С простыми людьми такой «князь» говорит по-барски, а они воспринимают как должное: начальник на Востоке — центр вселенной, а вот с вышестоящими — заискивающе.

Впрочем, секрет открывался просто: все местные руководители были выходцами из племенной знати белуджей, и для них такое обращение с людьми было нормой. Впрочем, и в Кабуле при общении «начальник-подчиненный» ситуация была аналогичной. Быть может, такая кадровая политика — назначение на долж-

ности представителей местной знати — и была правильной, учитывая восточные традиции? Эти люди имели реальный авторитет среди местных жителей, представителей оппозиционных формирований. Начальник ХАДа в Нимрозе вникал во все дела: занимался политикой, лично вел переговоры с оппозицией, решал хозяйственные вопросы, карал или миловал местных жителей. В самом деле, он был «князем», полноправным правителем на вверенной ему территории. Местный житель видел власть именно в нем, а не в лице центральной власти в Кабуле, и именно с ним договаривался, решал все вопросы.

Клянясь в верности НДПА, белуджи последовательно отстаивали свои интересы. Под разговоры о прекращении войны, необходимости перехода к мирной жизни представители знати белуджей исподволь проводили политику по созданию Белуджистана. Пользуясь слабостью центрального афганского правительства, они фактически создали автономное государство на территории южных провинций страны, куда ни пуштуны, ни хазарейцы не имели входа.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И... ПРОТИВОПЕХОТНЫЕ МИНЫ

По моим наблюдениям, афганцам многое из того, что обычно требуется европею, вовсе не нужно. Есть лепешка, чай, близкие живы и здоровы — и они уже за это благодарят Аллаха. Мы помогали им строить социализм, не видя того, что преобладают они фактически в феодальном строе, со всеми его атрибутами. У среднестатистического афганца есть дом, жена, дети; его мир ограничивается рамками дувала. Это его космос и мир. А что происходит за глиняными стенами его «крепости», мало кого интересует.

Новое там приживалось нелегко, потому что старое сохранялось в первозданном виде, каким оно было сто, двести, триста лет назад. Удивительное дело — там даже сохранились средневековые долговые палочки.

Такая палочка была даже у меня, советского советника-мушавера. Как попал «в кабалу»? Однажды задержался рейс нашего представительского самолета с продуктами, с зарплатой, а у нас закончились афгани. На местную валюту каждый день покупали лепешки к обеду: две штуки, по 20 афгани каждая. Ну не годовать же? Пришел в дуكان, говорю:

— Слушай, уважаемый, у нас закончились афгани, а лепешки нужны. Что будем делать?

— Никаких проблем! — отвечает. Берет палочку, делает на ней надрез и говорит: — Вот, отметил две лепешки в долг!

На следующий день пришел к нему снова, взял еще две лепешки — и еще одна отметка на палочке. Когда прилетел самолет, я ему вернул долг и дал десять афгани сверху — он такой довольный был! Долговую палочку я сломал, бросил в тандыр. А сейчас думаю: вещь уникальная, нужно было сохранить.

Вот так мы и жили. Рядом с Заранджем находилась крепость эпохи Александра Македонского. Очень хотелось ее осмотреть, но меня предупредили: заминирована. Места уникальные, там никогда со времен Александра Македонского не проводились раскопки! Сколько современная наука могла бы узнать, будь возможность прийти туда не с военными, а с мирными задачами.

Как мне рассказали местные жители, примерно в 1970-е годы король Дауд приглашал в эти места немцев. Они построили коттеджи, водоперекачивающую станцию, что дало бы импульс развитию сельского хозяйства; собирались и крепость раскапывать, но этим планам по каким-то причинам не суждено было осуществиться.

Неподалеку от Заранджа я впервые увидел, как местные обжигают кирпичи,

которые идут на стены домов. Берут деревянные формочки, замешивают глину, беря материал прямо из-под ног. Сырые кирпичи сначала сушат на солнце. Когда температура воздуха только в тени плюс 40 градусов, то все высыхает быстро. Потом из этих кирпичей, поставленных на торец, выкладывают внушительных размеров пирамиду, обычно четырехугольную, шесть на шесть метров, высотой тоже не меньше шести метров. Стены пирамиды цельные, внутри высушенные заготовки кирпича, уложенные с просветом, чтобы проходил огонь. С четырех сторон оставляют место для поддувала, наверху — для тяги. Закладывают внутрь пирамиды хворост и поджигают. Десять дней и ночей длится обжиг: только успевай подкладывать хворост! Потом месяца два кирпичи остывают, отлеживаются...

Обожженные кирпичи идут на фундамент; стены выкладывают из необожженной глины, крыши делают в форме шатра, без стропил. Наверху крыши — вытяжка, как у настольной лампы, в сторону розы ветров, чтобы тяга была. Дерево при строительстве практически не используют: во-первых, оно в Афганистане на вес золота, во-вторых, говорят, что в той местности имеется какой-то грибок, который мгновенно съедает деревянные перекрытия...

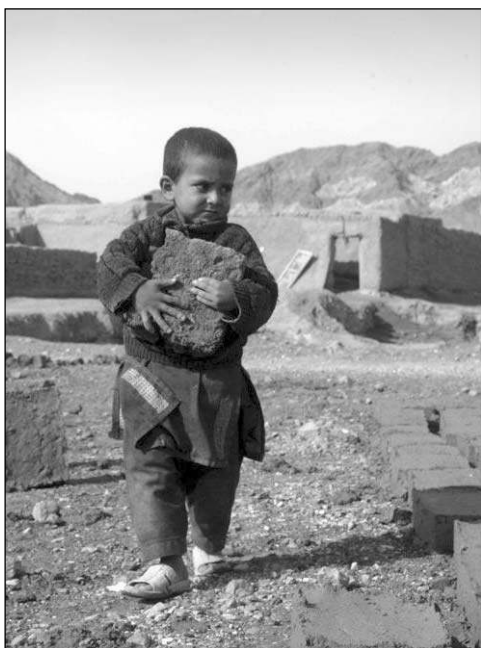
Крышу мажут толстым слоем глины, смешанной с соломой. Учитывая, что здесь только дня три в году идут дожди, такая крыша вполне может выдержать осадки.

Шатрообразные крыши домов в провинции Нимроз, видимо, какая-то местная особенность, потому что в других местах они не встречаются, только плоские.

Зарандж — городок небольшой: тысячи полторы жителей, расположен достаточно компактно. Советников здесь не трогали: не припомню, чтобы за время службы в Нимрозе нам пытались хоть раз угрожать, обстреливать. Мы были местной экзотикой. И уделяли нам

Повстанцы Белуджистана

Готовь кирпичи смолоду

ровно столько же внимания: сначала замечают, провожают взглядом, потом привыкают, и уже ты для них почти свой. Хотя какой из меня — европейца с голубыми глазами — афганец.

Мы ходили по городу, не опасаясь за свою жизнь. Пистолет сзади за пояс, вот и все вооружение. Иногда из-за угла выскочит афганец в чалме и с автоматом. Кто он — «дух» или свой? Кто его знает! Я иду своей дорогой, он — своей.

Приходишь на базар что-то купить, обращаешься к торговцу вежливо, говоришь с ним «за жизнь», торгуешься при покупке — последнее очень ценится на Востоке, считается знаком уважения. По-человечески к ним относишься, они тебе платят тем же.

Мне, конечно, помогало знание языка. Я говорил, читал, писал на дари. Мне было проще не только в бытовом плане, но и при общении с подсоветными, с агентурой.

К тому времени, когда в мае 1988 года моя командировка закончилась, Зарандж стал почти родным городом, где многих я знал и многие знали меня.

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — КАБУЛ

В мае 1988 года начался первый этап вывода советских войск из Афганистана. Из части провинций советников начали отправлять или в Кабул, или сразу в Союз. Меня направили в Кабул. Здесь довелось заниматься более интересной работой, чем в провинции Нимроз. Я был назначен советником начальника управления контрразведки при службе безопасности президента Афганистана. Если проводить параллели со структурой российских служб безопасности, то это аналог нашего 9-го управления («девятки»).

При этом управлении состояло человек десять из нашей «девятки», в основном водители, два оперативника, которые постоянно сопровождали президента Наджибуллу (сначала идет машина Наджиба — у него свой водитель, охранник, следом — шурави).

В столице, в отличие от Заранджа, работали полный рабочий день, до шести вечера, а иногда и круглосуточно, если требовала оперативная обстановка.

И здесь были свои сложности и особенности. «Духи» вели кампанию по запугиванию населения, угрожали властям расправами, военными акциями. С 15 мая 1988 года Хекматиар объявил: «Мы весь Кабул разобмим», и каждый день проходили обстрелы столицы. Это не особенно мешало работе, но напрягало психологически.

Опасность была постоянной, ты мог в любом месте попасть под ракетный обстрел, тебя могло накрыть на улице градом осколков. Все время пребывать в состоянии напряжения человек не может, и очень скоро... привыкаешь к этому антуражу в виде обстрелов, не так бурно реагируешь. И воспринимаешь обстрелы как дожди в мирной жизни: переждал грозу под навесом и пошел дальше.

Сначала я жил с одним из офицеров из 9-го управления в советско-афганском микрорайоне Кабула, в так называемом 21-м, в квартире, раньше принадлежавшей Наджибу. Первый этаж, стелянная дверь — как там можно защититься? Вешаешь на спинку кровати бронезилет — вот и вся защита от осколков, шальных пуль! Сидим вечером, ужинаем, слышим вой — эрэс легит. Бу-бух! Взорвался где-то рядом, ну, слава Богу, пронесло, будем жить! Но наш дом все равно накрывает волной пыли, поднятой взрывом.

Как-то раз с товарищем Леней собрались в обед, в два часа дня, съездить в Представительство, искупаться в бассейне. А Ленья забыл плавки и вынужден был вернуться на квартиру. Возвращается на своих «Жигулях» и ему показалось, что пробил заднее колесо. Остановился у обочины, осмотрел покрышку: вроде бы не по-

вреждения, движит давление. Завел машину и... в этот момент за углом здания, по ходу его движения, взорвался эрэс и жентчина. Не остановился бы он, точно попал бы под град осколков — снаряд взорвался на самой дороге; вот и не верь в Судьбу!

Помимо обстрелов хватало и других опасностей. Нам, советникам, по службе приходилось много ездить по Кабулу, встречаться с афганскими военными, советниками других отделов. Меня сразу сориентировали: в Кабуле, в такие-то районы можешь смело заезжать — это «чистые» зоны, а в такие-то лучше без особой надобности не соваться — «грязные» зоны: там могли напасть, ограбить, похитить. Впрочем, ограничения были условные, и с подсоветными мы бывали всюду.

Хотя я и состоял в службе безопасности президента Афганистана, мне ни разу не приходилось находиться в личной охране Наджиба. Хотя теоретически такая вероятность существовала, все зависело от оперативной обстановки. Моя задача была другой — контрразведывательное обеспечение прикрытия первого лица. Под этим понимался комплекс мероприятий, направленный на то, чтобы не допустить покушения на Наджиба. Задача в любом случае сложная, а учитывая характер нашего «объекта», была сложной вдвойне, а то и втройне.

Наджиб был непредсказуем. Он мог в любую минуту уехать на одной машине, без сопровождения, никого не предупредив, например, на всю ночь к Владимиру Павловичу Зайцеву, руководителю Представительства КГБ СССР. Они там о чем-то говорили, жарили яичницу, пили чай. А охрана только спустя время его находила. Или же он мог уехать на встречу с кем-то из представителей оппозиции, на различные мероприятия. Опять же полностью пренебрегая собственной безопасностью.

Естественно, все меры, необходимые для охраны первого лица, были задействованы. Но я отдавал себе отчет в том, что Наджиба при таком его отношении к службе безопасности могли за день убить раз пять. Чтобы проверить свои подозрения, я как-то взял старлея, командира разведроты из советского мотострелкового полка, и предложил ему: «Проедем по такому-то маршруту, посмотри внимательно и скажи мне, сколько раз ты смог бы организовать засаду, обстрелять президентский кортеж и уйти незамеченным?» Так вот, на традиционном маршруте президента разведчик с ходу насчитал пятнадцать опасных точек.

Я задумался: ну что они, моджахеды, глупые люди, что ли? Не могут организовать засаду, подстрелить Наджиба? Могут, но почему-то этого не делают. В общем-то, не сразу, но я понял, что в той обстановке, которая сложилась в стране, никто не собирается на него покушаться и тем более его убивать!

Каждый день в службе безопасности президента собирались совещания. Обязательно кто-то докладывал: «Существует угроза теракта... Первое лицо в опасности... В терактах могут быть задействованы такие-то машины...» Одно время я слушал молча, а потом мне эта трескотня надоела, и я предложил:

— Неужели невозможно задержать для проверки машины, которые указаны в оперативных донесениях? На дороге, по которой ездит Наджиб, в качестве застав выставлена половина афганского мотострелкового полка. Дайте мне номера подозрительных машин!

За пару дней «отловили» несколько десятков машин, свезли их в одно место, предложили афганцам: разбирайтесь с ними, представляют они угрозу или нет! После этого немного успокоились. Мне стало понятно, что они блефуют, пытаются показать свою значимость, создать видимость работы, что не зря хлеб едят.

Террор против высших руководителей НДПА, с одной стороны, и главарей оппозиции, с другой, не приветствовался. Вот такая особенная война! И дело здесь, как мне представляется, не столько в восточном менталитете. Они не хотели друг друга убивать, лидеры НДПА и оппозиции. Никакие они не враги непримиримые!

Война была частью их «общей игры» — это мое личное убеждение: одни кормились из рук Советов, другие — из рук американцев. Ни среди руководителей НДПА, ни среди лидеров оппозиции не было бедных людей. Каждый представлял свой клан, «сидел» на каком-то источнике денег и за счет этого он и его родственники жили. Но для бесперебойного существования этой системы требовались жертвы — жизни советских солдат и офицеров, жизни простых афганцев. Вот такая жестокая афганская игра.

Нашему управлению приходилось охранять не только доктора Наджиба, но и участвовать в обеспечении безопасности высоких гостей из Союза — министров иностранных дел СССР Шеварднадзе, председателя КГБ СССР Крючкова, артистов.

Шеварднадзе в ходе его визита показывали в Кабуле местные предприятия: велосипедный заводик — обычная мастерская, в которой человек восемь собирают велосипеды из запчастей, доставленных из Союза; второй — более солидный, завод по ремонту КАМАЗов. Наших большегрузных машин там было много, как в советских частях, так и у афганцев.

Кто меня неприятно поразил в Кабуле, так это один из известных певцов... Я был на его концерте: он обыденно исполнил четыре песни, и тут в зал заходит секретарь Московского горкома партии, советник по партийной линии. И солиста как подменили: настолько его голос изменился, окреп, что просто невозможно было не заметить. Хороший певец, но осадок, как говорится, остался...

А Эдита Пьеха — молодец! Для нее мы все были равны, ко всем она относилась ровно, отработала концерт просто великолепно! Мы проводили ее в «зеленку», в дуканы, где она накупила различных тканей — там у индусов был очень большой выбор, затем посадили на самолет.

ДОКТОР НАДЖИБУЛЛА — ЧЕЛОВЕК БЕССТРАШНЫЙ

Хотя и говорят, что для профессионала неважно, кого ты охраняешь, мы все равно остаемся людьми и испытываем какие-то чувства к своим подопечным. У нас, советников, доктор Наджибулла (или просто Наджиб) вызывал глубокое уважение и человеческую симпатию. Бесспорно, харизматичный лидер: властный, ответственный, целеустремленный, мужественный. Настоящий патриот своей страны. Смело вел себя в критических ситуациях, достойно держался с людьми в обыденной обстановке. Помню, осенью 1988-го проходил съезд НДПА, из состава президиума исключали каких-то известных деятелей. Мы опасались беспорядков в столице и на этот случай держали «броню», мотострелковый батальон наготове, чтобы в случае опасности быстро увезти Наджиба в безопасное место. На президента надели специальную рубашку. В тот раз все обошлось... Может быть, как раз благодаря его мужеству. Наджиб на съезде выступал напористо, убедительно отстаивал свою точку зрения, уверенно и твердо возражал оппонентам.

Но он мог быть и другим. До сих пор вспоминаю, как он однажды выскочил прямо в трусах и майке и прыгал, как мальчишка. Так он радовался гибели в авиакатастрофе президента Пакистана генерала Зия-уль-Хака. Наджибулла его сильно не любил, и, как мне кажется, эти чувства были взаимными. Причиной, думаю, был «пуштунский фактор». Проведенные англичанами в XIX веке границы разделили территории проживания пуштунских племен на две части. Пакистанский президент, чтобы не допустить их единства, создавал для этих племен на своей территории особые условия. И хотя сам Наджиб был пуштуном, такие действия соседа его раздражали, поскольку шли вразрез с его планами.

Первоначально Наджиб жил в 21-м микрорайоне, затем ему построили дом на территории королевского дворца: с бронированными стеклами, с дополнительной защитой на случай попадания снарядов и прочими атрибутами жилья первого лица государства. И из королевского дворца он съехал, оставив там центральный пункт управления, президентскую охрану. Мы шутили по этому поводу, что, мол, повезло пожить в королевских покоях. Естественно, гостеприимством мы не злоупотребляли, для нас главным было то, что в жилых помещениях при дворце можно было спокойно отдохнуть, принять пищу, в свободное время сыграть в бильярд.

Мы удивлялись тому, что, несмотря на смену режимов, обслуга во дворце осталась прежней с королевских времен. В столовой нам блюда подавал слуга, который прислуживал еще Дауду. Он накрывал стол для Тараки, Амина, Бабрака, Наджибуллы. Вот такой легендарный был человек — этот вышколенный слуга! Он в самом деле был нормальным дядькой! Я обычно за столом переводил ему, какое кому блюдо подавать. В конце месяца, когда советники получали зарплату, сбрасывались афганцами и дарили ему. Он был искренне признателен. Живут афганцы бедно, и любые заработанные гроши для них — это радость.

С простыми афганскими трудами нам мало приходилось сталкиваться, но даже то, что мы видели, говорило о том, что люди живут бедно, зарабатывают, как могут, и рады любой копейке. Какой у них был выбор: за день тяжелого труда с кайлом человек мог получить 5 афганей, или 100 — за пуск эрэса (реактивного снаряда) в сторону расположения советских войск, правительственных учреждений. Конечно, его можно понять: надо кормить свою семью, а куда эрэс попадет — не его забота.

У моего подсоветного, начальника управления контрразведки, дядя выращивал наркотическое зелье. Я спрашиваю его: «Объясни, пожалуйста, почему он занимается этим?» Оказывается, секрет прост: наркотики стоят раз в десять дороже, чем зерно. С пшеницей хлопот больше, надо вносить удобрения, а за маком, который растет как сорняк, ухода не требуется. Впрочем, дядя у моего подсоветного в конечном счете погиб, опиийный мак до добра не довел. Кстати, наркотики на тот момент не рассматривались нами как большая угроза — их выращивалось не так уж и много. Мы даже оперативную информацию по ним не собирали. Знали, что выращивается, поставляется и не более того. В воинских частях командиры и оперативные работники боролись с тем, чтобы военнослужащие не употребляли их. Многие чаре, легкий наркотик, пробовали просто из любопытства; и, увы, иные привыкали.

Впрочем, на этой войне так же легко можно было и спиться. Водка в Кабуле была доступным товаром — литровые бутылки продавали в любом дукане. И здесь тоже все зависело лично от человека — пить или не пить? Да, в среде советников тоже пили, но каждый для себя устанавливал какие-то рамки. Если я завтра могу заступить в охрану к Наджибулле, если завтра встречи с руководителями афганских служб, то как пить? Совесть не позволит! А бывало, кто-то из советников приезжал из провинции и сразу за водку хватался. Ну, пей, если это тебе нужно... У нас в квартире в Кабуле гости оставили бутылку водки, мы ее поставили в холодильник, так она простояла месяца два — до прихода новых гостей. Ну, не хочется мне пить, неинтересно! А кто-то и спивался, творил чудеса. На Новый год в одной из частей «особисты» гранату повесили на елку в качестве украшения. Чека вырвалась, едва успели выскочить из комнаты, правда, одному осколок в задницу угодил...

Главная достопримечательность Кабула — его дуканы! «Зеленка», район дуканов — «страна чудес». Здесь человек мог бесследно исчезнуть, здесь могли обмануть, ограбить! Сколько раз здесь шурави обманывали, сколько раз шурави платили той же монетой — на Востоке такое в порядке вещей; это и называется торговлей.

Одна из последних громких афер, которая сейчас припоминается — это когда прапорщик Советской Армии, фамилию его так и не удалось установить, продал дуканцику партию никому не нужных пластмассовых пробок-наконечников от снарядов.

Свой «спектакль» он разыграл так мастерски, что кабульские дуканцики, способные любого провести, до последнего не почувствовали подвоха. Историю мне пересказывали как сами дуканцики, так и военные.

...Приходит прапор к торговцу, показывает пробку и говорит:

— У тебя такие есть?

— Нет.

— А жалко, я бы взял партию, афганей 10–15 за штуку.

Дня через три — еще один «покупатель»:

— Слушай, у тебя такие пробки есть? Мне позарез нужны, а где взять, не знаю.

— А сколько бы взял?

— Да штук сто.

— А по какой цене?

— Да минимум по 10 афганей.

Тут уже дуканцик задумался: есть выгода, где же взять товар?

Знакомый прапор появился через неделю. Похвалился дуканцику:

— Слушай, я тут раздобыл партию, не купишь?

— А сколько у тебя есть?

— Да штук 500.

— Давай! По пять афганей!

Ударили по рукам. «Товар» быстро привезли, получили деньги. Дуканцик кинулся искать покупателей, и вот тут его ждало разочарование...

Пока в стране находились советские войска, несмотря ни на какие запреты военного командования, между военнослужащими Советской Армии и дуканциками шли активные товарно-денежные отношения. Так в дуканы попадали продукты питания, бытовая химия, запасные части к автомобилям, армейские бушлаты и прочее. Эта торговля была незаконной, стороны ее вели, что называется, на свой страх и риск. Но, с другой стороны, в торговой сети дуканциков можно было купить любой необходимый тебе товар, не было пресловутого и знакомого всем дефицита.

Как они там любят торговаться! А раз нравится — получите! Приехал как-то ко мне товарищ из Хоста и говорит:

— Нужна дубленка. В Афган приехал в одном пиджаке, завтра возвращаюсь домой. Еду в зиму, а ничего теплого с собой нет.

Я стал его отговаривать: не стоит, мол, афганскую дубленку брать, качества сомнительного. А он уперся: «У меня есть деньги, хочу — и все».

Повез я его в дукан, но предупредил: выполняй мои команды и ничего не говори. Он потом «концерт» с покупкой вспоминал с удовольствием.

...Я указал на дубленку, спросил, сколько стоит? Дуканцик посмотрел внимательно на нас и сказал: 10 тысяч афганей. Когда я назвал свою цену — 1200, торговец запрочитал:

— Вы меня хотите разорить...

Потом успокоился и согласился снизить цену:

— Ну, так и быть — 9500, но больше не уступлю.

Мы разворачиваемся и собираемся уходить из дукана: мол, не хочешь уступить, пойдём в другой.

— 9 тысяч...

В конце концов, когда он назвал 7000, я — 4500, торговля «застопорилась».

Но к такому повороту я уже был готов. Говорю своему товарищу: «А теперь достань пачку денег и купи у него какую-нибудь безделицу». Он достаёт толстую пачку афганей: у дуканщика сразу глаза загорелись — проглотил наживку! В общем, сошлись на пяти тысячах, ещё 200 афганей дали ему в качестве бакшиша. Тот вообще расцвел:

— О, шурави! Как мы хорошо поторговались!..

Но случались и грустные истории.

Однажды мне пришлось заниматься расследованием факта гибели в Кабуле нашего десантника. Это было серьёзное ЧП перед самым выводом войск, и поэтому нас, чекистов, привлекли к разбирательству. Этот случай меня глубоко потряс: тем, как по-глупому порой гибли наши мальчишки...

На охране президентского дворца находились советский и афганский батальоны. Погибший парень — здоровый, крепкий, косая сажень в плечах — был из состава советского. Нашли его в яме, неподалеку от расположения батальона, с пулевым ранением в спину. Комбат нам сказал: «Я оформлю документы на него как погибшего на боевой операции, иначе мать не получит никаких льгот». Мы не возражали, но нам хотелось знать, что же все-таки произошло?

Начали разбираться. Оперативным путем выяснили, что десантник покупал джинсы на территории дворца, в расположении афганского батальона. Видимо, не сошелся в цене с продавцом. Начал спорить, оскорблять: «Я вас тут, мол, всех...» В итоге поплатился жизнью. Застрелил его сарбоз (солдат) из афганского батальона, с которым вместе охраняли дворец.

Информация была оперативной. Что мы могли сделать в той обстановке? Добились отправки афганского батальона под Хост, где в это время шли серьёзные боевые действия. От руководства афганского батальона не стали скрывать, что стало причиной отправки. В первом же бою убийцы нашего солдата не стало: его застрелили сами афганцы. Но даже если бы мать десантника узнала об этом, для нее это было бы слабым утешением: сына все равно не вернешь...

АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Несмотря на регулярные обстрелы столицы эрэсами и буквально висящее в воздухе ощущение тревоги, вызванное выводом советских войск, там все же присутствовало ощущение того, что ты живешь в большом городе. Никаких проблем с продуктами, единственное, что приходилось искать — натуральный кофе. Жизнь более размеренная, приближенная к цивилизации... В выходные мои коллеги по работе, с женами, с детьми отправлялись гулять по городу. Туда многие советники ехали с семьями, такой порядок существовал до 1987 года. Я не стал брать семью: ни когда уезжал в Нимроз, ни когда был в Кабуле — смысла не было, дочка еще маленькая.

Из Воронежского управления КГБ СССР мне крайнему довелось служить в Афганистане, и поэтому я помню, как мы в управлении провожали своих коллег на войну. Первым, в 1980-м, ушел Олег Романов, потом Александр Маслов... Из всех наших дольше всех в Афгане находились Саша Маслов и Коля Боев. Маслов сначала был советником следствия, а потом работал в кадровом аппарате.

Такой интересный факт: на Высших курсах КГБ в Минске я учился вместе с

Борисом Пономаревым. В Афганистан он попал в самом начале афганской кампании, участвовал в штурме дворца Амина, а я — в самом конце. И вот когда мы собираемся 27 декабря, все подшучивают: вот, мол, Борис Пономарев начинал войну, а Александру Петрухненко пришлось ее заканчивать. Все время подтруниваю над Борисом:

— Не могу понять, кто же тебе заплатил, что ты ввязался в эту авантюру?

В Кабуле во второй половине 1988 года было еще достаточно много гражданских специалистов. Там я познакомился и подружился с Дмитрием Ивановичем Дударовым, он работал в Кабульском политехническом институте, и его женой Дианой Тимофеевной Дударовой. Наверное, мало кому известен тот факт, что Дударов написал конституцию Афганистана, многие нормативно-правовые документы афганского государства; его наработки, очевидно, используются и поныне афганскими юристами.

В январе 1989 года нам объявили о возвращении на Родину. Первоначально предполагалось, что советники выйдут домой с войсками через северные районы. Потом руководители передумали и решили нас всех собрать в Кабуле, чтобы одним рейсом отправить в Союз. 30 января 1989 года вылет Ил-76 перенесли из-за тумана, взлетели на следующий день. При пересечении границы Советского Союза летчики включили сирену, и мы сразу же начали отмечать благополучное возвращение на Родину! Да и как было не радоваться тому, что возвращаемся домой, к своим близким, живыми...

НАДЖИБУЛЛА МОГ УДЕРЖАТЬ ВЛАСТЬ, ЕСЛИ БЫ ЕГО НЕ ПРЕДАЛИ

До сих пор при обсуждении афганской темы многие задаются таким вопросом: а мог ли Наджибулла удержать власть?

На этот вопрос я всегда отвечаю утвердительно: да, мог, для этого были все условия.

Когда уходили советские войска, афганцы, чувствовалось, нервничали. Мы их старались поддерживать: у вас же все налажено, только держитесь! Им была оставлена техника, вооружение. И они держались почти три года: посмотрите, какие серьезные бои были в районе Джелалабада, Хоста уже после вывода советских войск. Афганская армия успешно воевала против сформированной оппозиции, возглавляемых кадровыми офицерами пакистанской армии. У Наджиба были танки, вооружение, он любого противника мог задавить. И если бы американцы в соответствии с Женевскими соглашениями прекратили помощь афганской оппозиции, то он быстро бы с ней расправился. Движение «Талибан» — очередной проект американцев — тогда только зарождалось, его без труда можно было подавить. Но что получилось: Штаты продолжили финансирование, а Советский Союз оставил Наджибуллу без реальной помощи... Хотя с нашей стороны уже не требовалось участия войск, только — снаряды, продовольствие и поддержка на международном уровне. Но и этой малости тогдашние руководители Советского Союза не смогли дать вчерашним друзьям, просто малодушно от них отвернулись... И как жалко тех советских солдат и офицеров, которые полегли за интересы страны в афганских горах и песках. Жалко, что завоеванное их кровью, было бездарно политиками растрчено.

А теперь мы пожинаем горькие плоды продолжающейся войны в Афганистане: огромный наркотрафик через российские границы, американские военные базы вблизи нашей территории. И этот наркотрафик в сторону России увеличился во время присутствия в стране натовского контингента.

Одержит ли победу Североатлантический блок в Афганистане? Конечно, нет. Как и мы в свое время, они пришли в чужой монастырь со своим уставом. Пытаются навязать исламской стране некие западные демократические принципы! А кто спросил афганцев: хотят ли они так жить?

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

Что бы ни говорили об Афганистане, я считаю, что для меня это отдельная страница жизни, служебной биографии, причем не самая худшая страница, а быть может, самая интересная и познавательная... Я увидел, как живут люди в условиях настоящего средневековья. Проверил себя: могу ли я, как и мои товарищи, дети цивилизации, выжить в таких непривычных условиях? Еще на курсах в Ташкенте прослушал лекции об основах ислама и во время командировки с удовольствием впитывал новую информацию. Считаю, что понимание другой культуры, истории, религии меня только обогатило. И этими знаниями я пользуюсь до сих пор.

Мы попадали на войну с разным житейским, профессиональным, боевым опытом. И в подавляющем своем большинстве не струсил, не спились, достойно прошли испытание, чем можем гордиться; не паниковали в трудной ситуации, не списывали личные слабости на так называемый «афганский синдром», сдерживали свои порывы, эмоции. На войне люди часто ожесточаются, а если ты не захлебнулся в войне, в крови, то уже одержал победу над собой. В общем, все тогда зависело от того, есть ли у тебя что-то стоящее внутри. Война проверяла нас, наши человеческие качества. Это было главное. Ведь после войны жизнь продолжается.